

Глава 1

РОДСТВЕННИКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ

Самый добрый депутат Герман Дурнев воздел к потолку мутные глазки с белками цвета несвежей мыльной пены.

— Человеческой подлости и зависти нет границ! Нинель, золотце моё, меня лишили депутатской неприкосновенности, лишили всего! Кто я теперь? Всего лишь почётный председатель В.А.М.П.И.Р. и генеральный директор фирмы «Носки секонд-хенд»! — надрывно заявил он.

— Герман, всё же, согласишься, ты сам виноват. Притащиться на встречу с американским президентом в кожаных сапогах со шпорами и со шпагой! Они, конечно, там ковбои, но не до такой же степени. И как тебя

только пропустили? Лично я не удивляюсь, что всё так закончилось! — осторожно заметила супруга.

— Да-да-да... Возможно, с моей стороны это было несколько неосторожно. Но что такого особенного в сапогах? Я же послушался тебя и не надел корону! — плаксиво пожаловался Дурнев.

— ГЕРМАН!

— Что «Герман»? Я уже целую кучу лет Герман! А вообще-то, клянусь, американца это позабавило! Он там сидел и от нечего делать рисовал на бумажке танки, а когда я крикнул «А вот и он, больной зуб!» и зазвенел шпорами — тут он как подскочит! А наш президент поморщился и погрозил мне пальцем. Знаешь, будто хотел сказать: «Опять этот Дурнев!» Он меня просто достал! — заявил почётный председатель.

— Германчик, ты забываешь, что было потом! — сказала мадам Дурнева.

Бывший самый добрый депутат отмахнулся от жены, точно от назойливой мухи.

— А что, кто-то ещё этого не знает? Да по телевизору целую неделю только это и показывали! На меня навалились охранники и стали выкручивать мне руки. Мне, председателю В.А.М.П.И.Р., депутату! Мне это не понравилось, и я стал сопротивляться. Вообрази, Нинель, я и не предполагал, что такой сильный. Они падали как кегли в боулинге, а я ведь только толкал их эфесом шпаги и звенел шпорами. Один, здоровенный такой, краснощёкий, как помидор, представляешь, задрожал и закрыл шею руками. А я лишь немного задумчиво посмотрел на него.

— Просто посмотрел, и всё? Ты уверен, что не пытался его укусить? — с подозрением осведомилась супруга.

Дурнев от возмущения даже передёрнулся:

— Кусать какого-то охранника с немойшей шеей, который только поливает грязь этим мерзким одеколоном? Фи! За кого меня принимает собственная жена? Да я вообще не переносу вида крови! В детстве мне становилось дурно, стоило уколоть иголкой палец и увидеть красную капельку... Вот слегка поджаренные бифштексы с кровью — совсем другое дело. Но они же не ходят на двух ногах!

Нинель обрушилась на диван, обречённо заскрипевший пружинами. Дальше её муж мог не рассказывать: она и сама всё знала. Несмотря на шпагу графа Дракулы, количество восторжествовало над качеством. Германа Никитича скрутили и выставили вон. На другой день многочисленные недоброжелатели Дурнева вынесли вопрос на голосование и лишили его депутатской неприкосновенности, а заодно и мандата. Возможно, Дурнев сумел бы ещё на кого-то надавить и выкрутиться, но его пропуск в Думу тоже был аннулирован, так что потомку графа Дракулы некого было замораживать гипнотическим взглядом и не перед кем звенеть шпорами.

— Айседорка Котлеткина сегодня со мной даже не поздоровалась! Пройшла, как мимо пустого места. Она уже знает, что ты в опале, — грустно сказала супруга.

— Ещё бы. Моей политической карьере пришёл конец. Окончательный и бесповоротный. И Котлеткины это понимают. У них нюх, — кивнул председатель В.А.М.П.И.Р.

Он увязал в болоте уныния.

— Чем ты теперь займёшься, Германчик? — стараясь расшевелить его, спросила мадам Дурнева.

Её хандрящий супруг-вампириод задумчиво пошевелил ножками в зелёных носочках. С его стороны это было не самое разумное действие. Такса Полтора Километра, наблюдавшая из-под дивана за прыгающими

у неё перед носом дурневскими пятками, не справилась с искушением. Она высунулась, тяпнула бывшего депутата жёлтыми старческими зубами и вновь убралась в своё убежище.

Бывший депутат взревел страшным голосом. Он подскочил едва ли не до потолка и попытался отодвинуть диван, чтобы расправиться с собакой. Однако диван и сам по себе был тяжёлым. Сейчас же, когда на нём сидела ещё и супруга, массивная, как якорь «Титаника», это привело бы к грыже и тибидохского атланта.

Тогда Дурнев замыслил отомстить иначе. Держа укушенную ногу на весу, он на оставшейся ноге (выбор ног у лопухоидов, увы, довольно ограничен) припрыгал к телефону и поспешно пролистал справочник.

— Это зоомагазин?.. — закричал он в трубку. — Скажите, девушка, у вас есть отравы для собак?.. Что вы говорите?.. Пёс мучается? Нет, это я мучаюсь! Как не держите? А зачем тогда задавать идиотские вопросы?

Раздражённый Дурнев швырнул трубку на рычажки, бессильно пнул диван и, ушибив пальцы, неожиданно для себя настроился на мирный лад.

— Вечно ты, Нинель... Откуда я знаю, чем займусь? — пробурчал он. — Ну, наверное, пригоню из Европы пару составов с тряпьем. Только знаешь, что в последнее время стали устраивать эти жулики, мои поставщики? Они подмачивают вещи перед продажей на вес! Только я ведь тоже не лыком шит. Я расплачиваюсь с ними не деньгами, а матрёшками и будёновками.

* * *

Неожиданно — такие вещи почему-то всегда случаются именно так, а не иначе — звонок в коридоре ехидно задрезжал. Супруги разом вздрогнули.

— Пап, кто-то притащился! — крикнула из своей комнаты Пипа.

— Будто я сам не слышу! Возьми и открой! — огрызнулся родитель.

— Я не могу! Я ругаюсь! — объяснила его дочка.

Она уже третий час сидела в Интернете на форуме фанов Гурия Пуппера и пыталась убедить всех, что Гэ Пэ влюбился в неё и даже присылал ей цветы с купидончиками. Пипе не особенно верили, хотя со злости она так колотила по клавиатуре, точно забивала гвозди. Правда, в одном Пипа с форумцами всё же сходилась. Фаны Пуппера тоже в большинстве своём считали, что Таня Гроттер дура набитая, а Гэ Пэ крутой, как варёное яйцо.

— Ладно, доча, не отвлекайся! Ругаться надо долго и со вкусом, а то не получишь удовольствия. Папулечка сам откроет! — сказал Герман Никитич и двинулся к двери.

Супруга повисла у него на руке.

— Герман, не надо! Не открывай! — взмолилась она.

— Почему?

— Так всегда начинается! С непонятных звонков в дверь. Разве ты не слышишь мелодию? То ли похоронный марш, то ли джига! Эти звуки бывают только в таких случаях!

— Думаешь, снова Гроттерша? — вращая шеей, с подозрением спросил Дурнев.

— Не знаю... Давай хотя бы посмотрим, прежде чем открывать!.. Стой! Ты куда? — Мадам на секунду выпустила супруга, и тот, воспользовавшись этим, провалился к дверям.

— Если это Танька, она пожалеет! Прикончу на месте! Шпага, ко мне! — воинственно зарычал потомок графа Дракулы.

Шпага, звеня от нетерпения, выскочила из шкафа и прыгнула к нему в ладонь. Ей давно уже хотелось кого-нибудь проткнуть, и теперь она только обрадовалась, что хозяин взялся за ум.

Рванув дверь, Дурнев выскочил на площадку и удивлённо остановился, никого не увидев. Должно быть, это произошло оттого, что он смотрел слишком высоко. Наконец он догадался перевести взгляд ниже и оцепенел.

Перед ним обнаружился карлик с большой бугристой головой, покрытой не то лишаями, не то заросшими красной шерстью родинками. Его макушка была где-то на уровне пупка бывшего депутата. Однако маленький рост ничуть не лишал карлика самоуверенности. В руках у него была сучковатая, с резными узорами палка из красного дерева, на которую он опирался не без некоторого изящества.

Карлик так и светился от чувства собственного достоинства, которое отнюдь не умалялось тем, что единственной одеждой карлику служила волчья шкура. Он был бос, ноги по колено покрыты грязью — такой жирной и густой, что со стороны близорукому человеку могло показаться, что карлик обут в щегольские хромовые сапоги. Даже для конца октября грязи было явно многовато. Однако самым неприятным в незнакомце были даже не красные родинки и не грязь, а кошмарный запах — резче и отвратительнее, чем от болотного хмыря. Видно было, что карлик принимает душ только при несчастном стечении обстоятельств — когда попадает под дождь.

Пока Герман Никитич тупо разглядывал огромные, не по росту ступни гостя, с ногтями жёлтыми и крепкими, как черепаховый панцирь, карлик, ничуть не смущаясь, произнёс гнусавым голосом:

— Квартира Дурневых? Вот приехал к вам! Жить, то ись, у вас буду!

Ошеломлённый такой неслыханной наглостью, хозяин квартиры сумел лишь открыть рот. Рука, в которой он сжимал шпагу, опустилась.

— Ты что, братик, не рад? Своих не узнаёшь? Это ж я! — обиделся карлик.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» замотал головой, демонстрируя всем своим видом, что не знает и знать не хочет никакого самозванного «я», а заодно «ты», «вы», «оно», «они» и вообще никаких местоимений.

Босяк опечалился. Он ещё пару раз фамильярно назвал Германа Никитича братиком, но родственного отклика не встретил. Тогда он вздохнул, поскрёб подбородок и стал бить на жалость.

— Ну как же! Я со стороны бабы Рюхи и Шелудивого Буняка! Родная ж, можно сказать, кровинка! — сообщил он, почувствованно шмыгая носом.

— Не знаю я никакого Рюхина! Убирайтесь! — строго велел председатель В.А.М.П.И.Р.

Карлик не внушал ему доверия. С каждым мгновением Дурнев, обладавший острым чутьём на людей, всё определённое убеждался, что перед ним проходимец.

— Да ты не туды смотри, ты сюды смотри! — засуетился человек, путано, но убедительно чертя что-то пальцем по воздуху. — Вот она, то ись родословная наша: тута баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тётка Хрипуша, тута её сестры Трясея, Огня и Ледея, а здеся вон плямянник их Пруха. А у Прухи-то сыночек был, Халявий! Припоминаешь? Так я энтот Халявий был и есть!

Дурнев слотнул. Он впервые слышал о бабе Рюхе и Шелудивом Буняке, равно как и о Прухином сыночке Халявии. С другой стороны, что-то подсказывало бывшему депутату, что отвертеться от настырного родственничка будет непросто.

Пока хозяин квартиры пребывал в растерянности, Халявий, не дожидаясь приглашения, быстро опустился на четвереньки, прошмыгнул у него между ног и залез безил перед его супругой.

— Решил я, мамуля, у вас пожить. Не прогоните же то ись. Совсем у нас плохо стало. Ни тебе кровушки попить, ничего... Прямо хучь здесь ложись и подыхай! — объяснил он, мигая слезящимися глазками.

Однако, несмотря на твёрдое намерение распрощаться с жизнью, родственничек с каждой минутой всё больше распоясывался. Он решительно зашаркал грязными ступнями по дубовому паркету, сунул свою палку за шкаф и, оказавшись у вешалки, по ходу дела вытер нос рукавом норковой шубы хозяйки.

Дурнева разглядывала карлика со смешанным чувством ужаса и брезгливости. Тем временем Халявий уселся на пол и, с пугающей ловкостью почесав ухо ногой, бессвязно забормотал:

— Вот такая вот, то ись, наша жись! А тот ещё колом... колом осиновым поперёк спины... Я от кола-то увернулся — да его за ногу. А тут второй из ружья как дребезнет, да серебряной пулей! Вот туточки пролетела мимо уха — свирк... А он уж снова приложился и целится! Едва я успел, значить, «*Темпора моралес*» произнести...

Неожиданно Халявий осёкся, встал, вытянулся по стойке «смирно» и, с беспокойством воззрившись на монументальную фигуру мадам Дурневой, поинтересовался:

— Болтаю, а у самого на языке вертится... Вы-то сами не из циклопих будете, мамаша? Нет? А то у нас в Трансильвании бродят по лесам эдакие фифы, зубы вышибают. Пряма ни-ни — только сунься! Бессмертник Кощеев как-то мимо пролетал, с конского скелета упал, дык едва латы унёс.